

А
Академия Наук СССР
БИБЛИОТЕКА
Отделения биологических наук

Борисак А.

Витализмъ и теорія познанія.

(По поводу книги академика Фаминцына: „Современное естествознаніе и психологія“, изданіе журнала „Міръ Божій“, 1898 г.).

Предъ нами своеобразный виталистическій трактатъ. Своеобразный по той формѣ, въ которой выступаетъ въ немъ, можно сказать, сведенный до минимума виталистическій принципъ, — и по той аргументаціи, которую выдвигаетъ въ защиту его авторъ. — Академикъ Фаминцынъ совершенно избѣгаетъ тѣхъ традиціонныхъ аргументовъ, которыми переполнены аналогичныя работы, спекулирующія обыкновенно не чѣмъ инымъ, какъ мнимыми „осѣчками“ современной науки. Да врядъ-ли и возможно было бы теперь, не обладая особаго рода „смѣлостью“, снова прибѣгнуть къ этой формѣ доказательствъ, послѣ той достойной оцѣнки, которую она получала на страницахъ нашей научной литературы.

На этотъ разъ мы имѣемъ трактатъ, въ которомъ авторъ своему виталистическому принципу пытается дать философское обоснованіе — именно, на почвѣ теоріи познанія. Имъ затрагивается, такимъ образомъ, въ высшей степени интересный, къ сожалѣнію, — скажемъ вмѣстѣ съ авторомъ — часто забываемый вопросъ объ отношеніи теоріи познанія къ естествознанію.

Мы не намѣрены касаться тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые затрагиваетъ ея авторъ, — какъ „выясненіе, что такое жизнь“ (206), „обоснованіе реального внѣшняго міра“ (206) вмѣстѣ съ критикой отношенія критической философіи къ этому вопросу, и другіе „основные вопросы современнаго естествознанія“ (216). Точно также не намѣрены мы касаться болѣе частныхъ вопросовъ — о кризисѣ современнаго естествознанія, вызванномъ будто бы успѣхами экспериментальной психологіи, о значеніи гипнотическихъ явленій для послѣдней и т. д., и т. д. — Мы остановимся только на своеобразномъ характерѣ аргументаціи автора, выразившемся въ его отношеніи къ теоріи познанія, поскольку онъ опирается на нее. — Въ рассматриваемой статьѣ это отношеніе является

А

наиболѣе характерной, и потому наиболѣе интересной чертой, обусловливающей въ большей или меньшей степени отношеніе автора къ другимъ вопросамъ.

Нужно признаться, какое-то смутное впечатлѣніе производили эти отдѣльныя главы, появлявшіяся чрезъ мѣсячные промежутки на страницахъ почтеннаго журнала. Впрочемъ, переизданныя теперь отдѣльной книгой, онѣ врядъ-ли много выиграли въ отношеніи цѣльности и ясности основной мысли. Мы могли бы привести цѣлый рядъ отдѣльныхъ цитатъ, къ которымъ нельзя отнестись иначе, какъ съ полной симпатіей и горячимъ сочувствіемъ, и въ то же время мы относимся къ цѣлой работѣ совершенно отрицательно.

Что, на примѣръ, можетъ быть справедливѣе той мысли, что „теорія познанія или ученіе о познаніи“ является „надежнѣйшимъ средствомъ борьбы съ... тираннами мысли“ (2). Мы охотно подписались бы и подъ слѣдующими словами: „Мнѣ кажется, поэтому, вполне ясною необходимостью для человѣка науки, какой-бы отраслью знанія онъ ни занимался, знакомство съ современной теоріей познанія... Игнорировать же ее, по моему мнѣнію, недозволительно“ (2).

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что, какъ не неумѣнье разобраться въ томъ „разладѣ“, который представляютъ между собою такъ назыв. внутренній и внѣшній человѣческій опытъ, является причиной тѣхъ заблужденій человѣческой мысли, которыя населили природу всевозможными „археями“, начиная хотя бы съ фетишизма дикаря, олицетворяющаго всякое явленіе природы, и вплоть до виталистическихъ теорій представителей современнаго знанія, сваливающихъ все необъясненное пока наукой въ весьма растяжимую область „жизненной силы“, которая то тамъ, то здѣсь, вольно или невольно, выскакиваетъ еще и въ наши дни подъ различными кличками.

Лишь очень медленно и путемъ громадныхъ усилій идетъ освобожденіе мысли отъ этихъ „тиранновъ“. Борьба ведется ошупью, на исторической почвѣ, т. е., главнымъ образомъ, исторія науки даетъ доказательства въ пользу метода точнаго знанія.

Научно обосновать наше освобожденіе отъ „археевъ“ возможно только путемъ выясненія условій нашего опыта, другими словами—на почвѣ теоріи познанія. Уже то, что сдѣлано въ этой области,—полно глубокаго интереса. Достаточно напомнить то освѣщеніе, которое съ этой точки зрѣнія получаютъ самыя основныя положенія науки, какъ единство природы, причинная зависимость явленій и т. д., и указать на болѣе или менѣе ясно намѣченные рѣшенія вопросовъ о жизненной силѣ, свободѣ воли, свободной личности...

Вся сила тутъ—въ ясномъ разграниченіи двухъ областей,

относящихся къ такъ назыв. внутреннему и внѣшнему опыту человека, — и безъ сомнѣнія только въ этомъ направленіи возможна дальнѣйшая прогрессивная разработка этихъ вопросовъ. — Въ данномъ случаѣ намъ важно, что теорія познанія выясняетъ „предѣлы познаваемого нами“ (8) въ области точныхъ наукъ; эти предѣлы, опредѣляемые тѣмъ, что мы „осуждены на воспріятіе лишь внѣшней стороны явленій внѣшняго міра“ (4), тѣмъ самымъ исключаютъ изъ области точной науки всѣ „жизненные силы“, подъ какими бы названіями онѣ ни появились, какъ силы трансцендентальныя, и относящіяся поэтому къ области метафизики.

Какъ же относится къ этому вопросу нашъ авторъ? Онъ говоритъ: теорія познанія черпаетъ свои выводы изъ данныхъ логики и психологіи (2). Эти „три науки — логика, психологія и теорія познанія — составляютъ категорію наукъ основныхъ, всѣ же остальные не что иное, какъ частные случаи упражненія нашей психики въ приобрѣтеніи знаній“ (8). Отсюда — „исходной точкой любой отрасли знанія долженъ быть признанъ человекъ, или, вѣрнѣе, его психика и средства наши къ приобрѣтенію знаній. Знакомство съ логикой, психологіей и теоріей познанія должно предшествовать разслѣдованію по другимъ отраслямъ знанія“ (8).

Эта точка зрѣнія, по справедливому замѣчанію автора, почти совершенно игнорируется современными естествоиспытателями. Повидимому, пополнить этотъ пробѣлъ выясненіемъ основныхъ вопросовъ нашего познания и намѣревался рассматриваемый „трудъ, имѣющій цѣлью выяснитъ связь естествознанія съ психологіей и теоріей познанія...“ (10).

Остановимся здѣсь на одномъ обстоятельствѣ. Если рассматривать всѣ цитированныя выше разсужденія безъ сопровождающихъ ихъ туманныхъ соображеній о „явленіяхъ жизни полнотью“ (5) и проч., истинный смыслъ которыхъ выяснится нѣсколькими строками далѣе, — если, говоримъ, рассматривать ихъ такимъ образомъ, то очевидно мы стоимъ здѣсь на указанной выше точкѣ зрѣнія теоріи познанія, и потому имѣемъ дѣло съ психологіей (какъ и съ логикой), только какъ съ „исходной точкой“ нашего знанія, только постольку, поскольку она способствуетъ выясненію характера нашей познавательной способности, поскольку она доставляетъ матеріалъ теоріи познанія. И если что кажется нѣсколько страннымъ, такъ это отсутствіе въ послѣдней цитированной фразѣ „логики“, третьяго члена „категоріи наукъ основныхъ“ нашего автора, — а между тѣмъ эта фраза должна резюмировать изложенныя выше основныя положенія „введенія“ рассматриваемой статьи. Еще поразительнѣе слѣдующее заявленіе, которое мы читаемъ въ томъ же резюмѣ нѣсколькими строками далѣе: „особенное вниманіе обращено мною на участіе психическихъ про-